

Глава 6

Пусть Лю Цзинхэн и был заторможенным, но он всё же догадался найти дом своего персонажа по истории поездок в приложении такси.

Его маленькая комнатка затерялась среди плотно стоящих высоток в переполненных городских трущобах.

Лю Цзинхэн, таща за собой инвалидное кресло, поднимался по ступенькам. Шестой этаж казался таким же далёким и недостижимым, как небесная лестница.

Глядя на жёлтые, покрытые пятнами стены с закрашенными детскими рисунками цифрами этажей, Лю Цзинхэн пытался запустить свою примитивную операционную систему.

Запуск не удался. Он устал. Нужно отдохнуть.

Лю Цзинхэн сел на ступеньки и посмотрел в окно на мир, заслонённый густой паутиной бетона и стали. Беспросветная тьма.

Кстати, почему ему до сих пор не позвонили из Rilou Group и не пригласили на собеседование?

Подперев подбородок рукой, он начал клевать носом.

«Хлоп!»

Пузырёк сна внезапно лопнул.

Вспомнил.

В романе его персонаж, чтобы приблизиться к Цинь Чуяо, указал в качестве места практики управление домашним хозяйством в корпорации «Рилон». Цинь Чуяо, конечно же, раскусил этот незамысловатый план и тут же порвал его заявление.

Но его персонаж не сдавался. Он прекрасно понимал, что для того, чтобы попасть в богатую семью, нужно быть смелым и наглым. Отчаявшись, он решил действовать нечестно: подсыпал Цинь Чуяо снотворное, сделал компрометирующие фотографии и отправил их Чэн Юньцину, за что получил от того оглушительную пощёчину.

В тот момент господин Цинь, поразмыслив, сказал:

— Раз уж дело сделано, семья Цинь не станет уклоняться от ответственности.

Таким образом, его персонаж беспрепятственно вошёл в их дом.

Но автор романа, стремясь к абсолютной чистоте отношений, не мог позволить, чтобы Цинь Чуяо лишился невинности. Поэтому, как только его персонаж сделал фотографии и отправил их Чэн Юньцину, Цинь Чуяо, благодаря своей сверхчеловеческой силе воли, очнулся.

Лю Цзинхэн помнил, как родственники его соседки по палате, читая этот отрывок, недоумённо спрашивали:

— У этого автора вообще есть здравый смысл?

— Это неважно, — отвечала девочка. — Логика служит сюжету.

Лю Цзинхэн: «Итак, вопрос: где мне достать это лекарство? Я же не обладаю сверхспособностями своего персонажа».

«Динь-дон-дон~» — размышляя, он почти заснул, но звонок телефона заставил его вздрогнуть.

Он взял телефон. На экране высветилось: «Скотина номер один».

Подумав, как его персонаж, он сразу понял, кто это.

Он ответил на звонок.

— Ты дома? — голос Чэн Юньцина, словно ясная луна в пустынной степи, создавал невидимый барьер между ним и суетным миром.

— Да, — ответ Лю Цзинхэна был, как всегда, простым и механическим, словно у робота первого поколения.

На том конце провода, кажется, облегчённо вздохнули. После недолгого молчания прозвучало:

— Я рядом с твоим домом, сейчас подойду.

— Зачем?

Снова молчание.

Спустя долгое время он сказал:

— Купил слишком много продуктов, сам не съем.

— А, хорошо.

В пять часов вечера в городские трущобы, заслонённые высотками, ночь пришла раньше.

В старом, тесном подъезде то и дело включался и выключался свет, реагируя на звук.

Под тусклым светом лампы на полу вытянулась длинная тень.

— Почему ты здесь сидишь? — равнодушный голос Чэн Юньцина разбудил задремавшего Лю Цзинхэна.

— Забыл... — сказал он.

— Что забыл? Дорогу домой?

Лю Цзинхэн, обхватив колени, тяжело опустил на них голову и кивнул.

Он уже не помнил, сколько этажей прошёл и сколько ещё осталось.

Чэн Юньцин недоверчиво усмехнулся, но, увидев бледное лицо Лю Цзинхэна, тут же стёр улыбку.

Он собрался с мыслями и протянул руку:

— Это пятый этаж, остался ещё один.

— А, потом, — прикрыл глаза Лю Цзинхэн.

Он очень устал, и пять этажей уже превысили предел его физических возможностей.

Свет погас, и мир погрузился во тьму.

Стройная, как сосна, фигура долго стояла в темноте, а затем молча села рядом с Лю Цзинхэном.

В его руках были пёстрые пластиковые пакеты, наполненные полезными для сердца белками и препаратами наперстянки, применяемыми при аортальной недостаточности.

Воцарилась такая тишина, что можно было услышать падение иглы. В темноте слышалось лишь дыхание Лю Цзинхэна — слабое и хрупкое, готовое оборваться в любую секунду.

Словно боясь, что это дыхание внезапно исчезнет, Чэн Юньцин заговорил первым:

— Тебе ещё не пришло уведомление о практике? Она ведь уже несколько дней идёт.

Лю Цзинхэн устало открыл глаза:

— Не знаю, мне не сообщали.

Ах, да.

Он, оперевшись о перила, дрожа, встал и, словно немощный старик, сел в инвалидное кресло.

Нельзя выходить из образа.

Он украдкой взглянул на Чэн Юньцина. Увидев, что выражение его лица осталось прежним, он с облегчением вздохнул.

— Куда ты подал заявление на практику? — спросил Чэн Юньцин, как ни в чём не бывало проигнорировав инвалидное кресло.

— В Rilon Group...

В полумраке изящные брови Чэн Юньцина слегка нахмурились.

Он часто слышал от Цинь Чуяо, что Лю Цзинхэн пытается сблизиться с ним, чтобы попасть в их корпорацию, но считал это проявлением чрезмерной самоуверенности Цинь Чуяо.

Чэн Юньцин крепко сжал в руке пластиковый пакет, который зашуршал.

— Обязательно идти туда? — его сдавленный голос был холодным, как лёд.

Лю Цзинхэн открыл рот, не зная, что ответить.

— Цинь Чуяо и так к тебе придирается. А его дядюшка, говорят, человек очень сложный. Тебе там будет нелегко.

Лю Цзинхэн понял:

— Яс... но.

И тут же сменил тему:

— У вас на факультете есть... усыпляющее?

Он хотел сказать «анестетик», но оговорился.

Чэн Юньцин резко встал:

— Зачем тебе это?

В темноте его голос звучал ещё более ледяным.

Лю Цзинхэн подумал и ответил:

— Другой человек попросил достать.

Его персонаж, по сути, был другим человеком.

— Слушай меня. У меня этого нет и достать я не могу. И если кто-то просит тебя о таком, просто дай ему в морду.

— Хорошо.

Хоть он и не понял, но «хорошо» и «да» были универсальными ответами.

Мартовская ночь была холодной. Ветер, гулявший по подъезду, обдувал Лю Цзинхэна.

Он задрожал от холода.

— Пойдём домой, ветер поднялся, — не терпящим возражений тоном сказал Чэн Юньцин и, просунув руку ему под спину, легко поднял его на руки.

Лю Цзинхэн расслабился и прислонился к его груди.

С детства, после бесчисленных операций, он привык к чужим объятиям и прикосновениям.

— Кресло, — не забыл напомнить он.

— Знаю.

На следующий день.

Лю Цзинхэн проснулся в полдень.

Он не знал, когда ушёл Чэн Юньцин — может, вчера вечером, а может, только что. Но его это не волновало.

Он даже не заметил приготовленную для него на кухне еду. Сидя в инвалидном кресле, он кружил по комнате.

«Не могу достать снотворное. Как же мне подставить Цинь Чуяо и разрушить их отношения?»

Лю Цзинхэн решил выйти на улицу. Шанс выпадает тому, кто к нему готов.

Мир книги ничем не отличался от реального. Автор, чтобы набрать объём, создал процветающий мегаполис.

Лю Цзинхэн на своём роскошном двухколёсном транспорте медленно ехал вдоль тротуара.

Когда он остановился на светофоре, из аптеки позади него вышел молодой человек с тёмными кругами под глазами, выглядевший крайне измождённым.

Его девушка утешала его:

— Ничего страшного. Это всё из-за стресса на работе. Возьми отпуск, выпей снотворное, хорошо выспись, и завтра снова будешь полон сил!

Глаза Лю Цзинхэна внезапно расширились.

Словно озарение.

Он въехал в аптеку.

Фармацевт, подробно расспросив его о состоянии, со скрипом выписал ему всего две таблетки снотворного.

На прощание он, словно мантру, произнёс:

— Верьте, тьма рассеется, и жизнь обязательно наладится.

Лю Цзинхэн кивнул.

Не понял.

Проехав несколько метров, он снова остановился.

На противоположной стороне улицы, в ряду магазинов, висела синяя вывеска с четырьмя иероглифами, написанными каллиграфическим стилем:

□Каллиграфия Ханьмо□

Шрифт сочетал в себе силу и изящество, гармонию и лёгкость.

Указательный палец Лю Цзинхэна дёрнулся.

Отъехав на десять метров, он медленно вернулся.

Его взгляд снова устремился на четыре завораживающих иероглифа.

В этот момент у входа в студию остановился роскошный автомобиль. Бодрый пожилой мужчина в костюме, опираясь на трость из золотистого нанму, в окружении телохранителей вошёл внутрь.

Хозяин студии тут же выбежал навстречу:

— Ах, председатель Цинь! Какими судьбами! Я сам должен был к вам зайти. Простите за скромный приём.

Господин Цинь кивнул и огляделся:

— Просто проезжал мимо. Дома всё-таки не та атмосфера.

Не успел он договорить, как зазвонил телефон.

Господин Цинь долго смотрел на определившийся номер, его седые брови слегка нахмурились. Он с неохотой ответил:

— Цинь Ду, почему ты вдруг позвонил?

На том конце провода послышался шелест бумаг. Голос Цинь Ду, даже при разговоре с отцом, оставался холодным:

— Я сейчас занимаюсь организацией практики для студентов Университета Цзиньхай. У меня не хватает одного заявления. Вы его не видели?

— Ты же знаешь, я уже отошёл от дел. В такие вопросы я не вмешиваюсь.

Именно. Если что-то пойдёт не так, сын ещё и отчитает его, как мальчишку. Лучше уж оставаться в стороне.

— Хорошо, я поищу ещё, — не попрощавшись, Цинь Ду решительно повесил трубку.

Господин Цинь закатил глаза и убрал телефон.

Хозяин студии, потирая руки, сказал:

— Председатель Цинь, прошу вас, сюда~

...

Лю Цзинхэн на своём неуклюжем кресле наконец добрался до студии каллиграфии.

Войти он не решился, лишь высунул голову и стал наблюдать.

В зале витал характерный запах туши — смесь сосновой сажи и клея. На стенах висели большие и маленькие каллиграфические работы, расположенные со вкусом.

Внутри никого не было. Лю Цзинхэн долго сидел у входа и тихо пробормотал:

— Я... я вошёл...

Работы, висевшие в зале, были не только для выставки, но и на продажу. В прошлой жизни Лю Цзинхэна уже упрекали за то, что он только смотрит и ничего не покупает.

На этот раз он приготовил ответ: «Работы хорошие, но я ничего не хочу покупать. И я ничего не крал».

Лю Цзинхэн осмотрелся, и его обычно спокойное сердце забило сильнее.

«Как красиво написано!» В центре зала висела копия «Черновика поминальной речи племяннику». Мощные, энергичные мазки, строгая, гармоничная композиция, живые, изменчивые формы иероглифов. Каждая линия дышала жизнью, передавая всю скорбь и гнев Янь Чжэньцина по поводу гибели его племянника в борьбе с мятежниками.

Лю Цзинхэн склонил голову, внимательно разглядывая работу...

— Ах, председатель Цинь, иероглиф «Хао» пишется не так. Смотрите, — внезапно донёлся из внутренней комнаты мужской голос.

Затем послышался знакомый старческий голос:

— Ты всё время говоришь, что не так. А как тогда?

— Не торопитесь. Посмотрите, как я напишу ещё раз, и вы поймёте.

Лю Цзинхэн не считал себя подглядывающим, но упустить возможность увидеть работу мастера он не мог.

«Я только посмотрю, не буду воровать технику. Он, наверное, не будет против».

Лю Цзинхэн подошёл к двери комнаты и с нетерпением заглянул внутрь.

За столом из грушевого дерева сидел знакомый старик. Рядом стоял мужчина средних лет и, держа его руку, выводил на бумаге иероглиф «Хао».

Лю Цзинхэн подошёл ближе, ещё ближе, чтобы рассмотреть получше.

— Чёрт, — закончив иероглиф, господин Цинь нахмурился. — Всё равно не похоже, что это написал человек.

У хозяина выступил холодный пот.

Кто бы мог подумать, что знаменитый председатель Цинь окажется таким непонятливым! В семьдесят лет, а мудрости так и не набрался.

«Только не говорите никому, что я вас учил».

Лю Цзинхэн не выдержал.

Он взял кисть, схватил руку господина Цинь и повёл её по бумаге:

— В иероглифе «Хао» верхняя часть квадрата шире нижней, короткая горизонтальная черта смещена влево, а не вправо, и в конце...

— Ты кто такой? — недовольно выдернул руку господин Цинь.

Лю Цзинхэн добавил последнюю горизонтальную черту:

— После короткой черты ротик нужно закрыть.

Господин Цинь ошеломлённо замолчал и плотно сжал губы.

Лю Цзинхэн снова взял его руку и продолжил:

— Нижняя часть, «небо», пишется так, чтобы верхняя горизонтальная черта была такой же ширины, как и «солнце». Ведите кисть слева направо, слегка приподнимая. Сначала короткая откидная влево, затем длинная вправо. Правая черта должна быть плавной и естественной.

— Готово, — с облегчением выдохнул Лю Цзинхэн.

Господин Цинь с недоумением посмотрел на него, затем с сомнением поднял лист и осмотрел его.

— Хорошо! Вот теперь красиво! — он хлопнул в ладоши, его лицо просияло.

Затем он недовольно посмотрел на хозяина:

— Почему ты учишь хуже, чем твой подмастерье? А? Если бы ты сразу сказал, что квадрат сверху шире, а снизу уже, не было бы столько проблем.

— И ещё, я уже неправильно поставил кисть, а ты мне не сказал. Боишься, что я, научившись, отберу у тебя хлеб?

Хозяин обливался потом.

Новичок побил мастера. Не находя, на ком выместить злость, хозяин набросился на Лю Цзинхэна:

— Ты кто такой? Кто тебя сюда впустил?

Лю Цзинхэн ожидал этого вопроса и мысленно повторил заготовленную фразу:

«Я только посмотрю. Ничего не хочу покупать. И красть не собирался».

Лю Цзинхэн глубоко вздохнул и, сжав колени, сказал:

— Я... ничего не хотел красть.

Хозяин: «?»

«Какое самомнение! Что, моя каллиграфия настолько плоха, что её даже красть не стоит???»

— Я вспомнил! — на мгновение задумавшись, воскликнул старик. — Ты же одноклассник Чуюо, да? Как тебя... Лю... Лю...

— Лю Цзинхэн.

— Точно, точно, — господин Цинь радостно поднял свой свеженаписанный иероглиф «Хао» и спросил: — Скажи, дедушкин иероглиф похож на стиль Оуян Сюня, процентов на семьдесят-восемьдесят?

Лю Цзинхэн долго смотрел, затем поджал губы. Ротик нужно закрыть.

— Хорошо, хорошо! — господин Цинь хлопнул его по плечу так, что тот чуть не развалился. — А я-то тебя недооценивал, бабочка. Знал бы, что ты такой способный, не тратил бы зря деньги. Теперь я понял: уметь писать — не значит уметь учить.

Сказав это, он бросил на хозяина студии презрительный взгляд.

— Да.

Хозяин гневно посмотрел на него. Очевидно, его подставил конкурент.

Господин Цинь снова любовался своим творением и с удовлетворением произнёс:

— Вот теперь эти партнёры не посмеют за спиной говорить, что я умею писать только как курица лапой.

Хотя господин Цинь и отошёл от дел, некоторые старые партнёры признавали только его. Подписание контрактов требовало подписи, и для старика, который почти не учился, это всегда было больной темой. Он потратил кучу денег на уроки у председателя местного общества каллиграфии, но и через месяц его почерк оставался таким же ужасным.

— Лю... Лю Цзинхэн, верно? — старик осторожно свернул своё творение. — Я слышал, ты проходишь практику в одно время с Чуяо. Он уже у меня в компании подрабатывает, а ты что-то бездельничаешь.

— Я... я подал заявление в Rilon Group, но мне не ответили, — медленно произнёс Лю Цзинхэн.

Услышав это, глаза старика загорелись:

— Так бы сразу и сказал! Зачем столько сложностей?

— Бабочка, приходи ко мне домой учить меня каллиграфии, а я тебе подпишу документы о практике.

Лю Цзинхэн подумал и ответил:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/14550/1289022>